

О постановкѣ "Анатэмы"

"Аполлонъ", No 3, 1909

OCR Бычков М. Н.

Когда режиссеръ Санинъ "проваливалъ" -- выражаясь театральнымъ жаргономъ -- одну за другой постановки -- "Царя природы" Е. Чирикова, "Вѣрности" Б. Зайцева и "Анфисы" Л. Андреева, многіе изъ насъ утѣшались мыслью: "Санинъ готовится къ "Анатэмѣ", его творческій духъ витаетъ надъ "Анатэмой", ему некогда заниматься мелочами".

И мѣсяцъ жизни на сценѣ убогой "Анфисы" казался намъ длиннымъ-длиннымъ въ ожиданіи "Анатэмы".

Нянькамъ свойственно рассказывать о "своихъ" дѣтяхъ небылицы; -- и театральная нянька въ лицѣ Санина не поскупилась на слова въ сенсационныхъ интервью, чтобы расхвалить "по своему" Анатэму, а кстати прихвастнуть умѣлымъ обращеніемъ съ этимъ дѣтищемъ. Больше полугода провозился Санинъ съ Андреевскимъ твореніемъ... У театральной молодежи лопалось терпѣнье.-- "Пока солнце взойдетъ, роса глаза выѣстъ" -- жаловались иные на потемки Новаго Драматическаго театра. Но вотъ солнце взошло! "Анатэма" поставлена! И хочется задать вопросъ, не лучше ль было бы, чтобъ роса глаза выѣла, чѣмъ видъ этого Санинскаго "солнца"...

Мнѣ жаль отъ всей души Л. Андреева и жаль мнѣ Н. Калмакова и талантливаго композитора В. Каратыгина.

Декорации Н. Калмакова вышли скучными, безъ всякой "глубины мистической", порой бессмысленными, какъ, напр., въ прологѣ и эпилогѣ (гдѣ врата вѣчности? гдѣ фигура стража?), порой мало оригинальными (залъ въ домѣ Лейзера напоминалъ по духу "Жизнь Человѣка" москвичей), отчасти взятymi изъ "Черныхъ масокъ", (какъ, напр., большой каминъ,-- на томъ же мѣстѣ и почти тотъ же), наконецъ, безвкусными (этотъ ужасный задникъ неба Ной картины въ видѣ грязной тряпки съ подтеками!) и, что самое главное,-- безъ соблюденія трагическихъ ремарокъ автора. Задолго до представленія я указывалъ Н. Калмакову, что въ его эскизахъ къ "Анатэмѣ" не оригинально, и мнѣ казалось, что, понявъ меня, онъ вполне со мною согласился. Жестока же ферула Санина, если художникъ не посмѣлъ измѣнить то, чѣмъ онъ самъ, казалось, былъ недоволенъ.

Писать о постановкѣ "Анатэмы" такъ же тяжело, какъ писать о похоронахъ. Поистинѣ въ драмѣ новаго направленія, работа Санина -- работа могильщика.

Вся бѣда въ томъ, по моему, что Санинъ, этотъ заядлый бытовикъ театра Островскаго, не пожелавъ отстать отъ вѣка стилизации, ухватился за эту "стилизацію" безъ всякаго знанія художественныхъ методовъ. Я ясно убѣдился, что стилизацію онъ понимаетъ не въ смыслѣ выявленія сущности, а въ смыслѣ ея затемнѣнія. Манерностью дурного тона, нескончаемыми паузами, диковинными "не людскими" интонаціями, упрощеніемъ до нелѣпости того, что сложно, и осложненіемъ того, что просто, Санинъ какъ бы силится въ постановкѣ "Анатэмы" доказать намъ свою современность, модность, свою причастность къ декадентству. Но стилизаторъ-режиссеръ отрешивается отъ декадентщины, г-нъ Санинъ! Къ тому же, изъ бытовиковъ не "поступаютъ въ стилизаторы" съ такой же легкостью, какъ изъ Александринскаго театра въ Новый Драматическій. Здѣсь дѣло не въ одномъ желаніи, а и въ творческомъ складѣ души.

Скука -- "выкрутасъ", скука -- нелѣпость, скука -- смѣшной шаржъ, -- скука, наконецъ, невыносимая!

Что сказать объ исполнителяхъ?-- Ихъ трудно винить, поскольку они явились исполнителями воли Л. Андреева, но легко ихъ винить, поскольку они подчинились волѣ Санина. Однако, разбираться въ этомъ я предоставляю закулиснымъ Шерлокъ Холмсамъ. Скажу лишь, что г-жа Голубева мнѣ понравилась своими скорбными и вдумчивыми интонаціями, Муратовъ былъ донельзя плохъ, прекрасенъ гримъ у Лебединскаго и выразительны глаза у Юлшиной.

Н. Евреиновъ.